

УДК 81:39

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ОЦЕНКИ НА ОСНОВЕ «СУДЕЙСКОГО КОМПЛЕКСА» В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Т.В. Дубровская

Пензенский государственный университет, Пенза

В статье рассматривается национально-культурная специфика отрицательно-оценочных высказываний в русской лингвокультуре, в основе которых лежит «судейский комплекс» – черта русского национального характера. Выявлены основные характеристики таких высказываний с точки зрения языковой формы: обобщения, риторические вопросы, лексика со значением моральных категорий, средства деонтической модальности.

Ключевые слова: отрицательная оценка, «судейский комплекс», языковая форма, русский.

Negative Evaluation Based on “Judging Complex” in Russian Speech Culture

Tatiana V. Dubrovskaya

Penza State University

The paper focuses on national and cultural specifics of negative evaluation in Russian culture that are based on “judging complex”, a feature of the Russian national character. In terms of language forms, typical characteristics of these utterances are distinguished. They include generalisations, rhetorical questions, lexicon denoting moral categories, and linguistic means for constructing deontic modality.

Key words: negative evaluation, “judging complex”, linguistic form, Russian.

Вопрос о влиянии особенностей национального мышления на речевое поведение индивидов, принадлежащих к определенной лингвокультурной общности, широко исследовался в лингвистике и культурологии, в том числе применительно к русской лингвокультуре [1; 2; 5; 6 и др.]. Мы также ранее обращались к характеру и формам взаимодействия национального мышления и речевого поведения, в частности в контексте судебного дискурса [3; 7; 8]. В настоящей работе мы рассмотрим особенности отрицательно-оценочных высказываний представителей русской лингвокультурной общности с точки зрения проявления в них специфики национального характера.

Определение национального характера содержится в работе исследовательницы русской культуры К. Касьяновой, которая понимает национальный характер как сумму культуры и генотипа [4]. По утверждению К. Касьяновой, культура включает неосознаваемые культурные архетипы, которые усваиваются в процессе социализации, и наиболее повторяющиеся природные этнопсихологические черты индивидов. Одной из составляющих русского национального характера исследовательница называет «судейский комплекс», который представляет

собой апелляцию «к некоторым эталонам и нормам поведения, значимым для всех, а потому для данных лиц объективным; это – элиминирование при вынесении оценки собственных чувств, расчетов и ссылок на пользу» [4. С. 235]. Функцией «судейского комплекса» является то, что «он активно и последовательно противодействует тенденциям к распаду ценностно-нормативных этнических представлений» [4. С. 236].

Анализ материала современной русской художественной, разговорной и публицистической речи показывает, что значительное количество отрицательных оценок в русской речи построено на основе «судейского комплекса», т.е. с точки зрения нравственных норм поведения, принятых в обществе.

Отличительной характеристикой таких отрицательных оценок с точки зрения языковой формы является то, что моральные нормы эксплицитно сформулированы в виде **обобщающих сентенций-поучений** и апеллируют к таким моральным категориям, как **стыд, совесть, нравственность, честь, приличие**:

(1) ... Долго Гриша был по-монастырски безмолвен, непрерывно пекся о нас – и тем искупал мнимый свой грех. Но если при нем напали на человека, он внезапно обнаруживал голос:

– Обижать человека стыдно! А его до того заобижали, что он и обиду-то ощущать перестал... (А. Алексин. Отец и дети)

Формулирование обобщающих нравственных установок характерно для текстов СМИ, в которых журналисты, первые лица страны и даже сами читатели выражают оценки, касающиеся современного российского общества. Неблаговидные поступки конкретных лиц становятся основой для обобщений морально-нравственного характера:

*(2) Дело чести для депутатов – ограничиться минимальной заработной платой. Они **должны** пережить кризис вместе со всей страной (Комсомольская Правда. 03.03.2009).*

*(3) Член комитета Государственной думы по обороне Франц Клинецвич выразил сомнение в том, что Сердюков нарушил закон при выплате премий, но отметил, что такое поведение было **недопустимо** для министра.*

– Это бессовестные люди. Когда боевые офицеры находятся в бою, не вылезают со службы, когда семья не устроена, дети не устроены, чиновники получают такие бонусы, это просто неприлично, – пояснил Клинецвич. – Но, к сожалению, эти люди считают, что они эти премии заслужили. Хотя по большому счету они грабили страну, изыскивая возможности получения дополнительной прибыли (Известия. 11.06.2013).

В одной из интерактивных рубрик газеты «Комсомольская Правда» на вопрос «Кому бы вы снизили зарплату?» читатель отвечает:

(4) – *Горе-писателям, которые штампуют дурные романы о сексе и бандитах. В стране, где жил Пушкин, стыдно такое продавать и читать (Комсомольская Правда. 03.03.2009).*

Обобщения, касающиеся правильных и неправильных установок в обществе, получают отрицательно-оценочный характер за счет применения автором общеоценочного слова «плохо», как в следующем примере. Осуждая новые государственные инициативы по защите детей от причиняющей им вред информации, журналистка характеризует такой подход общеоценочным словом «плохо» и приводит аргументы в защиту своей точки зрения:

(5) *Наверное, слишком много контроля и заботы — это тоже плохо. У человека нет шанса узнать, что такое реальная жизнь. Даже если она в интернете. Потому что если интернет – новая реальность, с этим надо смириться и выпускать детей в нее гулять без ошейника и поводка (Известия. 25.02.2013).*

Автор высказывания на основе «судейского комплекса» делает акцент на категориях нравственности и морали и в тех случаях, когда осуждение не претендует на обобщение и касается исключительно конкретного случая и конкретного объекта оценки, как в примерах (6), (7):

(6) – *Почему вы ходите сквозь людей, как звезда эстрады? Вы же врач, а не певица. Они же вас ждут. У них больные дети.*

– *Это детская больница. И естественно, что здесь лежат больные дети. Дети болеют. И даже умирают. И детская смертность входит в профессию. Вы хотите, чтобы я стоял и вытирал всем слезы?*

– *Да. Хочу. Родители неправы. Я хочу милосердия. А вы жестоки. И это безнравственно (В. Токарева. Длинный день).*

(7) – *Недавно у нас на шахте было задымление, а в прессе прошло сообщение, что случился пожар. И будто бы 30 человек обожжено, более 70 погибли. После этого полдня пришлось отвечать на звонки родственников, – рассказывал один из шахтеров. – Почему такая дезинформация и что с этим делать?*

Поделаться ничего было нельзя, и Дмитрий Анатольевич честно это признал.

– *Бессовестные люди, конечно, – посетовал он. – Но за руку не поймаешь. И повлиять я на это никак не могу (Известия. 06.08.2012).*

Формулировка моральной нормы может иметь **вопросительную форму**, и в таком случае единственно правильный для говорящего ответ на

этот вопрос является защищаемым суждением. В примере (8) очевиден **риторический характер** задаваемого вопроса:

(8) – Разве можно не ценить людей, которые уже сыграли свою роль, выполнили, так сказать, свою функцию? – продолжал папа. – Так, простите, и мать с отцом недолго вычеркнуть из памяти. Они ведь тоже выполнили свои функции: родили нас, подняли на ноги. Оглянуться назад – вовсе не значит отступить! (Лукьянов продолжал не узнавать его). А Виктор Макарович мог бы еще долгие годы исполнять свою роль. Назвать его «пройденным этапом»?! (А. Алексин. Чехарда)

Очевидный ответ на поставленный вопрос: Нельзя не ценить людей.

Интересно, что автор высказывания может сопровождать его метакоммуникативным комментарием, эксплицитно определяющим риторический характер заданного вопроса:

(9) **Не стыдно ли** правительству страны, считающейся крупнейшим экспортером углеводородов, вводить нищенскую социальную норму на электропотребление? Вопрос, впрочем, риторический (Известия. 31.07.2013).

Выражающие неодобрение без указания на проступок вопросительные речевые формулы «Как ты можешь / мог?» и «Как тебе не стыдно?» также имеют риторический характер. Вопросы нацелены на то, чтобы вызвать у адресата чувство стыда и, возможно, раскаяния:

(10) Как ты можешь так, Коля? Неля видит в тебе своего брата, она так готовилась к твоему приезду... И эта Черная Спинка действительно мешала заниматься (А. Алексин. Подумаешь, птицы!..).

(11) – Сдали анализ второй раз? – удивилась врач Хачатурова. – Да вы что? Как вам не стыдно! Мы к вам с чистым сердцем, а вы... Муж что, разведчик? (Комсомольская Правда. 12.12.2002).

Кроме того, что оценки на основе «судейского комплекса» апеллируют к моральным категориям, в них нередко задействованы **средства выражения деонтической модальности**, т.е. модальности долженствования. Это вполне закономерно, поскольку говорящий исходит из определенных представлений о нормах и ожидает от окружающих поддержания этих норм. Среди показателей деонтической модальности – лексические единицы *должен / должны, можно, недопустимо*, используемые в примерах (2), (3), (12):

(12) – А где ваша кошка? – спросила старушка.

– Я ее обратно отнес, – ответил Климов...

– Куда? – не поняла старушка.

– На дорогу.

– Вы бросили ее на дороге? – удивилась старушка.

– А куда я ее дену? – в свою очередь удивился Климов.

– Что значит «дену»? Вы говорите о живом существе, как о вещи...

Климов перестал есть.

– Я не понимаю, что вас не устраивает? То, что я накормил голодную кошку?

– Если вы начали принимать участие в другой судьбе, то вы должны участвовать до конца. Или не участвовать совсем (В. Токарева. Кошка на дороге).

Лексические показатели деонтической модальности, однако, не обязательны, и тогда долженствование выражается иными, более развернутыми способами:

(13) Кажется, «АиФ» писал, что чиновники придумали для себя какой-то негласный моральный кодекс. Почему бы им не внести пункт о том, что государственный муж не имеет морального права занимать свое место, если на него пало подозрение в нарушении закона? Или мы рискуем вообще тогда без чиновников остаться? (Аргументы и Факты. №9. 2009)

Важность моральных категорий для русской лингвокультурной общности и соответствующих высказываний на основе «судейского комплекса» подтверждается тем фактом, что даже в тех ситуациях, где очевидно **нарушение закона**, автор отрицательной оценки нередко выводит на первый план моральный аспект проблемы. В следующих примерах из художественной и разговорной речи подход к воровству осуществляется с позиций морали и совести:

(14) – Учтите, на Привозе можно ходить, только прижимая сумку к груди. У нас все воруют. Чашу в костеле украли! Я, правда, неверующая, но это же вообще, чтоб не было совести ни капельки! Это же не в райкоме воровать! – риторически излагала другая соседка по столу (Арбатова М. На фоне Пушкина...и птичка вылетает...).

(15) А. Слушай/ это ведь они из общаги стындили тумбочку //

Б. Не знаю //

А. Вон на ней инвентарный номер // Нашли чё стындить / какую-то тумбочку //

Б. (со смехом) Да / какую-то тумбочку ужасную //

А. Господи / хоть бы постыдились обворовывать родной институт // (Ручные записи разговорной речи).

Проведенный анализ речевого материала позволяет сделать заключение о значительном влиянии на отрицательно-оценочные

высказывания в русской лингвокультуре «судейского комплекса» – черты национального характера, предполагающей приоритет моральных ценностей и норм при построении оценочных суждений. Высказывания на основе «судейского комплекса» имеют ряд присущих им лингвистических характеристик: форму сентенций-обобщений и риторических вопросов, обращение к морально-нравственным категориям стыда, совести и нравственности с помощью соответствующих лексических единиц, применение общеоценочного слова «плохо» и средств деонтической модальности.

Библиографический список

1. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1997. 416 с.
2. *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция речеповеденческих тактик. М.: Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина, 1999. 84 с.
3. *Дубровская Т.В.* Вежливость и невежливость в русском и английском судебном диалогическом дискурсе // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. М.А. Кормилицыной, О.Б. Сиротининой. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2008. Вып. 8. Материалы Международной науч.-практ. конф. «Современное состояние русской речи: эволюция, тенденции, прогнозы». С. 351-361.
4. *Касьянова К.* О русском национальном характере. М.: Институт национальной модели экономики, 1994. 367 с.
5. *Ларина Т.В.* Англичане и русские. Язык, культура, коммуникация. М.: Языки славянских культур, 2013. 360 с.
6. *Стернин И.А.* Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры // Этнокультурная специфика языкового сознания: Сб. ст. / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. М., 2000. С. 97-112.
7. *Dubrovskaya T.* Applying metaphor in the English legal discourse // Language, Thought and Education / Ed. M. Kuczynski, J. Zawodniak. Zielona Gora: Uniwersytet Zielonogorski, 2008. Vol. 1. P. 29-41.
8. *Dubrovskaya T.* Cultural specifics in Russian and English judicial discourse // Die Sprache in Aktion: Pragmatik. Sprechakte. Diskurs / Ed. M. Kotin, E. Kotorova, Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 2012. P. 205-215.